

Игорь Шестков "Мальчик, который был чайником"

МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ БЫЛ ЧАЙНИКОМ

У меня сломался шикарный, в стиле ретро, электрочайник Рассел Хоббс. Красный как пожарная машина и с термометром. Дорогой. Чудесная вещь! Я так любил кипятить им воду. Сломался, подлец. Перестал выключаться через полгода после покупки. Каждый раз надо было ждать, когда же наконец закипит вода. Пованивающая летом, невкусная берлинская вода. Тоска! А забудешь выключить – вода выкипит и начнется пожар. Как говорил мой покойный друг: Чайник даст плавку чугуна.

Выкинул мерзавца. Не хотел плавки. Кинул его в оранжевый мусорный бак. Даже прощальную речь не произнес. Из-за обиды. Потому что... надо было его, злодея, назад в магазин отнести, но я, как всегда, потерял квитанцию. Положил ее в специальную папку... хранил-хранил... а когда Рассел Хоббс сломался – попытался ее найти. Безуспешно. Исчезла квитанция. Испарилась! Может быть ее другие квитанции съели? Или она сама того... аннигилировалась? Или ее просто нет там, где она должна была бы быть. Как элементарная частица. Квантовая механика во всем виновата! Не надо было ее придумывать, человечество не способно смотреть правде в глаза. Вот, она, частица. Но на самом деле ее там нет.

Три раза проглядел квитанции, но так и не нашел чертову бумажку. Выкинул Хоббс и тут же отправился в Медиа Маркт покупать новый чайник, потому что без кипяченой воды – жить невозможно.

Нашел модель попроще и подешевле. Клатроник. Белый. И с изящными изгибами, вызывающими изумление.

И сейчас же вспомнил... одного милого мальчика, сына моей подруги, детское тело которого, как бы выточенное из слоновой кости, было еще изящнее Клатроника и, казалось, все состояло из чувственных изгибов, выемок, ямочек. Звали его из-за непонятного каприза автора – Аллита. Было ему девять лет и был

он красив как Ганимед. Только не тот, рембрандтовский, с картины в Дрезденской галерее, жирный, гадкий и описавшийся, а такой, каким его изваял Челлини. Мраморная статуя его хранится в музее Баргелло во Флоренции. Зевс-орел тут не космический насильник, не всемогущий похититель, а скромный поклонник удивительной, чуть-чуть порочной красоты мальчика. Могучий повелитель богов ластится к мальчишке, как голодная кошка к хозяину. Так ластился к пластиковой Лолите, как бы наполненной душистым шампунем, один из самых противных героев мировой литературы – набоковский Гумберт Гумберт, эстетствующая между детских ножек грубая скотина, кособокий, вывернутый наизнанку гомункул, которого его создатель вытащил из небытия (роды были неудачные и с осложнениями) с единственной целью – показать свое презрение к людям... и заодно заработать денег и смыться из Америки в Швейцарию, чтобы зажить там жизнью добропорядочного буржуа, потихоньку впадающего в детство со всеми его амурными шалостями.

Актер Джереми Айронс, сыгравший Гумберта Гумберта в известном фильме – куда благороднее и симпатичнее и своего героя и его автора.

.....

Ну да, да... угадали... я тоже хочу рассказать земляничную историю. О том, что произошло между мной и этим мальчиком-ганимедом, Аллитой. Не надо хмуриться, господа! Омрачать и без того мрачные, быстро летящие дни нашей сладкой жизни. Не хотите, не читайте! Очень надо. Обойдусь и без ханжей! Идите к черту!

Ммм-да. В свое оправдание могу только заметить, что я тут не буду, как Набоков, размазывать «мед оргазма», то бишь сопливые приключения педофила по четырем сотням страниц нудного романа... а ограничусь шестью страницами бодрого текста. И не стану украшать в конце пародию на роман пародией на убийство.

И вообще... клянусь Зевсом... красоту Аллиты я заметил конечно и... и все. Забыл про нее. Сказал только тогда за завтраком его миловидной матери, Ши, исключительно для того, чтобы продемонстрировать свою воспитанность и любезность: Ты очаровательна, любимая... мне у вас очень нравится. И сынок твой очень красивый. Наверное папа его был негром или метисом.

Ши звонко засмеялась. Намазала булочку ананасовым творогом и ответила: Если я правильно посчитала недели, то он был кубинцем.

– Вот я и говорю, метисом.

– Отец Аллиты был белокожий, с веснушками, рыжеватый, почти блондин.

Бабник ужасный и обманщик. Но на гитаре играл как бог. И трахал меня так же страстно, как Че Гевара революцию делал.

– На кой же черт вы разошлись... вполне в твоём вкусе мужчина.

– Я бы его ни за что не бросила, но он по ночам уходил от меня и по другим бабам таскался. На велосипеде объезжал, собирал дань. А я думала, он на балконе курит. Когда наконец поняла, что происходит, закатила истерику. А он... женские слезы не мог терпеть... убежал. А через час вернулся. Подарил мне на память колечко с рубином. С платиновой оправой и бриллиантами. И смылся. Кольцо это я лет пять носила, а три года назад продала, когда меня пособия лишили. За то, что я якобы левые доходы скрывала. А я ничего не скрывала. Они сами документы потеряли, а на меня все свалили. Сволочи. У меня электричество отключили тогда и телефон. Так и сидели с Аллитой в темноте. Только свечи жгли, которые я в индийском магазине напротив потихоньку брала.

– Крала?

– Да, да, крала... а что прикажешь делать? И продукты воровала в Эдеке. Мы голодали. Никто не помог. Меня поймал магазинный детектив. Отвел в уголок и говорит: Или протокол будем составлять, госпожа хорошая, у меня видео на руках... сядешь... Или... Полгода приходил ко мне вечерами, когда Аллита спал. Приходилось его ублажать. И продукты приносил из той же Эдеки. Сам воровал, сукин кот. А потом, ты не поверишь, влюбился в меня, плакал, прощения просил и умолял за него выйти. Но я прогнала его. Пах он плохо. Плюгавый такой и старый.

.....

И не вождедел я этого Аллиту, и на Ши из-за него не женился, как Гумберт Гумберт на своей Гейзихе. Мне нравилась Ши, она была старше и опытнее меня, имела золотое сердце, чувствительную грудь и ненасытное влагалище. Кончала иногда по четыре раза за ночь. Могла поддержать разговор о высоких материях.

И готовила прилично. Что еще одинокому мужчине надо? Семью я заводить не хотел... она этого от меня и не требовала.

Ни о каких ганимедах я и в сексуальных фантазиях не помышлял. Ши приучила меня фантазировать вместе с ней. И мы жадно предавались этому бесстыдству. Чего только не представляли! Но без мальчиков.

В быту я был с Аллитой вежливо-нейтрален, что, как мне казалось, вполне его устраивало. Помогал ему решать простенькие школьные задачки. Купил ему игрушечную водокачку, ракетки для настольного тенниса и модель Аэробуса. Пригрозил отвернуть голову дворовому хулигану, если он еще раз полезет драться. С достоинством выдержал неприятный разговор с отцом хулигана, обещавшим отвернуть голову мне, если я «прикоснусь своими грязными лапами к его ни в чем не повинному сыну». Разговор этот, впрочем окончился совместным распитием бутылки водки-мартини. В конце пьянки отец пообещал мне выдрать своего сына розгой, если он обидит «размазню» еще раз. Но слова не сдержал.

Аллита вроде бы размазней и не был, но драться действительно не умел или трусил. Я был таким же в детстве. И не жалею о том, что никого ни разу не ударил в лицо.

.....

Все шло своим чередом.

Я тогда еще работал. После ночной смены – отсыпался. После дневной шел в Эдеку. Покупал там продукты. Оттуда – топал в квартиру Ши. Она готовила. Жарила мясо, рыбу или креветки. Делала салат из фруктов. Пекла яблочный пирог. Мы ели, смотрели телевизор, чаще всего канал АРТЕ, ложились спать. Занимались любовью так долго, как могли. Ну да, Ши еще проверяла тетрадки у Аллиты, читала ему нотации, стирала, гладила, убиралась...

Иногда мы ужинали в кафе. Несколько раз скучали на симфонических концертах.

Посетили оперный театр. Вагнер. Несмотря на отчаянный вой толстогрудых оперных певиц, я зевал, зевал и заснул.

Свою квартиру я забросил, заходил туда только чтобы сменить одежду или взять новую книгу. Читал я на работе. В паузы между обходами. Я работаю

охранником в госучреждении. В каком? Наверное в самом занудном.

Сотрудники там выглядят так, как будто они только имитируют занятость на рабочих местах и бесконечных заседаниях, а на самом деле... мысли их далеко-далеко. На островах в Карибском море. Там они купаются голые в теплой прозрачной воде с очаровательными латинскими девушками.

Зарплата у меня маленькая, но жить можно. Ночью я во всем здании один, а днем... суета и маята. Пиджаки бегают туда-сюда как тараканы. Раз по двадцать за день пьют черный кофе. Одурманивают свои казенные души. И меня дергают... мучают всякими мелочами, к которым охрана не имеет отношения. Почему эти двери закрыты? Где хранятся прошлогодние стенды-диаграммы? Когда придут уборщицы...

...

Мои дни были так похожи друг на друга, что я чувствовал себя роботом.

Может быть, человек – и есть машина? Машина с компом в башке.

Что же тогда жизнь?

Есть ли вообще жизнь?

Или мы принимаем за нее мельтешение тараканов?

А сами и не живем вовсе.

Долго думал об этом... но так и не разобрался, не понял, хорошо ли то, что я робот, или плохо. А дни все шли и шли. Машина работала.

Бум-бум, тик-так, кррак-кррак...

Говорил об этом с Ши. Она не подняла меня на смех, а задумалась... потом заметила, что подавляющее большинство жителей Германии мечтают именно так и жить. Жизнью робота. Работающего, жрущего, вечно уставившегося в смартфон, покупающего различные товары и получающего свое пахнущее нафталином удовольствие перед сном.

Еще эти роботы хотят по миру путешествовать. На недельку туда, на недельку сюда. Малайзия, Таиланд, Ривьера, Мачо Пичо, Большой барьерный риф...

Предел мечтаний программируемых людей. Мнимое разнообразие. Иллюзия рая.

.....

У нас денег на путешествия не было. Искать вторую работу и вкалывать ради того, чтобы регулярно наслаждаться жарой, москитами и ядовитыми медузами, я

не хотел. А Ши, в прошлом – хиппи (прожила три года в Индии, но не вынесла антисанитарии и грубости населения и вернулась) – о работе даже не думала. Ей было и так хорошо.

И вдруг... никогда не думайте, что жизнь будет вечно такой, как вчера и сегодня... вдруг устроилась на работу!!! Ни разу в жизни не работавшая сорокапятилетняя женщина с сомнительным прошлым.

Предложение было таким заманчивым, что отказаться она не смогла. Рабочий день – шесть часов или меньше. Сама себе хозяйка в собственном бюро.

Компьютер, принтер, цветной ксерокс, телефон. Никакой коммерции. Никакого начальства! Никаких шушукающихся сотрудников. Три тысячи в месяц на руки. Работа ее заключалась в визуальной пропаганде здорового образа жизни, вегетарианства, защиты животных, женщин и детей и еще чего-то.

Она отвечала за плакаты, буклеты, информационные листки и страницу в интернете. Еще на нее повесили какую-то идиотскую газету.

Помог ей устроиться бывший любовник, лет тридцать назад – хиппарь, бунтарь и брейкдансер, а ныне слегка обрюзгший чиновник в Министерстве защиты окружающей среды. С одышкой, тремя разведенными женами и алиментами. В одном из периферийных зданий этого министерства находилось прекрасно оборудованное бюро, в котором Ши тут же начала свою трудовую деятельность. Я навестил ее. На стенах висели плакаты, изготовленные по эскизам предшественницы Ши. На них доминировала небесно-голубая краска, белоснежные зубы улыбающихся спортсменов и оранжевые плоды тропической природы.

В коридоре была оборудована маленькая кухня. Роскошный туалет украшала душевая. Люстра была сделана в форме зеленых огурцов. А на подоконнике стояли цветочные горшки с метровыми кактусам различных сортов. Один из них цвел. Его мохнатый фиолетовый цветок величиной с тарелку напоминал экзотический духовой инструмент.

.....

Однажды... в один из этих одинаковых дней... я вернулся с ночного дежурства в восемь утра. Принял горячий душ. С Ши мы встретились в коридоре, поцеловались и разошлись. Я влез в еще теплую постель, а Ши убежала на

работу. В свое бюро с огурцами и кактусами. Успела только шепнуть: Аллита останется сегодня дома, у него каникулы, пожалуйста, проследи, чтобы он почистил зубы и позавтракал. Хоть в одиннадцать. А-то он вечно убегает на улицу не поевши. А потом у него живот болит.

Я кивнул и тут же забыл про зубы и живот.

Проснулся я вот от чего. Кто-то трогал мне член.

Я подумал, Ши пришла домой обедать и решила меня побаловать. Что-то промурлыкал. Хотел погладить ее по голове... и погладил... вслепую. И сразу заметил, что вместо длинных волос у нее – короткие.

С трудом выдавил из себя: Ты что, постриглась?

И только после этого открыл глаза.

Рядом со мной на нашей двуспальной кровати сидел Аллита. В позе Будды.

Отдернул руку, как от змеи, как только увидел, что я открыл глаза. И посмотрел на меня таким взглядом, что мне стало нехорошо. Печальным, томным. Совсем не детским. Опытным. Внезапно я понял, что не знаю этого мальчика. Понятия не имею, о чем он на самом деле думает, о чем мечтает, что делает весь день, с кем встречается... Физически ощутил разделяющую нас пропасть.

А Аллита вдруг... заревел как гоночный автомобиль.

Я не поверил своим ушам... струсил... инстинктивно закрылся одеялом.

Его красивое лицо исказила недобрая усмешка, он сказал, отчетливо выговаривая слова: Можешь не закрываться. Я много раз видел тебя голым. И маму. Я каждый день подсматриваю за вами в замочную скважину. Сами виноваты. Мама так громко стонет, что через стенку слышно. Я не могу заснуть.

А потом стонешь ты. Особенно громко, когда кончаешь ей в рот.

И опять заревел как паровоз. Затрясся и глаза закатил. Я подумал, что ему плохо.

А он так хохотал, паршивец!

– Ты бы хоть трусики надел.

– Мне и так хорошо. Я знаю, что тебе мое тело нравится. Помнишь, тогда, на нудистском пляже, ты на меня так смотрел...

– Как «так»?

– Не как на сына моей мамы, а как на мать смотришь, когда она ноги раздвигает.

– Не выдумывай. Она же женщина, а ты мальчик.

– Как будто ты не знаешь, что взрослые дяди делают с маленькими мальчиками!

– А ты знаешь?

– Знаю. Со мной это каждый день старшие братья делали, пока тут жили. И с мамой...

У меня пошли мурашки по коже. А сердце запело от предчувствия. Ни о каких братьях Аллиты я до этого не слышал. Кррак!

– Не знаю, что сказать. Я с тобой ничего подобного делать не собираюсь. Иди, зубы почисти, и позавтракай. Мюсли на столе, бутерброды в пластиковой коробочке. Какао в холодильнике.

– Хочу еще побыть тут.

– Хорошо, давай сделаем так, я немножко посплю, а ты просто лежишь рядом и не будешь меня трогать... Это неприлично и мне очень неприятно. А если твоя мама узнает, что ты так делал, она тебя выпорот, а меня из дома выгонит.

Погоди, как же я сразу не догадался, ты наверное именно этого и хочешь?

Ревнуешь...

В ответ Аллита опять заревел. На сей раз как самолет при взлете. Рев перешел в циничный гогот.

– Ревную? Да плевать я на вас хотел. И на мать и на тебя. Если вы оба сдохнете, плакать не буду.

– Ах ты маленький засранец! Был бы я твоим папой, выпорол бы тебя ремнем.

– Если ты меня тронешь, я тебе, пока ты спишь, выколю глаза кухонным ножом.

– Храбрецом заделался, щенок!

От злости я вспотел. Жутко хотелось влупить ему пощечину. Или... поцеловать его. Но я сдержал себя.

Надо было маленького нахала хотя бы из комнаты выкинуть... и дверь в спальню на ключ закрыть. Кто знает, что он еще придумает? А спрос с него какой? Он ребенок.

Еще больше его я боялся себя.

Я сел на кровати и серьезно посмотрел на Аллиту.

Примерился...

Как бы его так схватить, чтобы он не вырвался?

А Аллита использовал мое бездействие по-своему. Раздвинул свои увесистые

бедра и приподнял их руками, как это делают женщины во время любви. Вот чертенок! Знал, наверно знал, что меня эта его развратная поза шокирует. Потому что у меня нервы слабые. И характера нет. Потому что я робот... и поза эта – не приглашение даже, а приказ. Приказ, которому я не могу не подчиниться.

Член его стоял колышком. А розовое очко страстно подрагивало.

Для усиления эффекта Аллита высунул длинный юркий синеватый язык и опять закатил глаза как припадочный.

Кровь бросилась мне в лицо. Я потерял над собой контроль.

Сила ушла из рук. И я сделал единственное, что еще мог сделать, – отполз от стонущего мальчика подальше и малодушно спрятался под одеялом. Но Аллита подполз ко мне, сдернул с меня одеяло и прижался жаркой своей попкой к головке моего члена.

– Умоляю тебя, доставь мне удовольствие!

Голос его не был голосом девятилетнего мальчика. Кррак!

Я подчинился.

.....

.....

Проснулся я почему-то в своей квартире. На моей любимой красной софе.

Вечером. Вскипятил воду в новом электрочайнике, залил кипятком лежащий в стеклянной чашке пакетик Даржилинга, сделал бутерброд с сыром. Но ни пить, ни есть не стал.

Тело мое сладко ныло, руки дрожали, а душа сжималась от ужаса.

Неужели я действительно... делал это с девятилетним ребенком?

Решил позвонить Ши. Но не нашел в мобильнике ее номера.

Не может этого быть! Мы же вчера раз пять разговаривали. Поискал телефонную книгу. Но сразу вспомнил, что выкинул ее – за ненужностью – лет восемь назад.

Решил, скрипя сердце, пойти к ней. Боялся встретиться там с Аллитой.

Наверное, маленький сатир сказал ей, что я его изнасиловал, и Ши уже позвонила в полицию...

Вышел на улицу и пошел, спотыкаясь, к дому Ши. Она жила в десяти минутах

хотьбы от меня. Прохожие на улице представлялись мне спешащими по своим ничтожным делам поржавевшими роботами. А пролетающие по улице автомобили – охотящимися на меня боевыми машинами неизвестной армии. Так, вот и ее дом... Сейчас я ей позвоню, она мне откроет, я поднимусь на лифте на восьмой этаж... а там уже полиция, суровые чиновники из Югендамта, врачи, собаки-ищейки. Криминалисты снимают отпечатки пальцев... берут ватными палочками пробы спермы...

Аллита плохо изображает плач и показывает дрожащей рукой на свою многострадальную попку.

– Да, да, дядя всунул в меня эту штуку... это было так больно... я умолял его прекратить, но он продолжал, продолжал...

Его успокаивают психологи.

А тяжело дышащая Ши говорит, что связь со мной была самой страшной ошибкой ее жизни...

.....

Рядом с потертыми кнопками стояли имена и фамилии.

Я попытался вспомнить фамилию Ши. Не удалось.

Смутно припоминалось, как она рассказывала о том, что «Ши» – это не уменьшительная форма ее имени, а сокращение... Сокращение чего?

В голове у меня был беспросветный туман.

Я попытался вспомнить, как выглядела Ши, но не смог.

Азиатка она? Или европейка? Все, все забыл.

И черты ее сына тоже расплылись. Когда я думал о нем, то вспоминал только его закатанные в экстазе глаза. И слышал его страстный шепот.

Из подъезда вышла солидная дама в бордовом пальто. Я узнал ее, это была соседка Ши по лестничной клетке, про которую Ши рассказывала мне... забыл что... обычная скабрёзная история с любовниками, мужьями и собачками.

Несколько раз мы разговаривали на кухне у Ши втроем. Пили кофе со сливками. Кажется, эта дама советовала нам покупать масло не в Эдеке, а в Нетто.

– Извините, забыл ваше имя, я друг Ши, помните? Не могли бы вы напомнить мне ее фамилию? Такая досада – забыл. Я ищу ее тут в списке и не могу найти. Дама посмотрела на меня недоверчиво. Недоверчивость ее быстро переросла в

яростное возмущение. Она проговорила уверенно и холодно: Никакой Ши я не знаю. Вас вижу впервые. Отстаньте, иначе в полицию позвоню.

После этого отошла от меня, взмахнула руками как крыльями... превратилась в птицу и тяжело взлетела.

Я не удивился ни ее ответу, ни превращению. Потому что неожиданно все понял. В тот момент, когда разглядел ее птичье лицо.

Все мы, и Ши, и Аллита, и эта соседка, и я сам... все мы не были людьми... а только ожившими персонажами из прочитанных кем-то когда-то книг.

И сам этот сумасшедший город был набором иллюстраций Майднера или Шлихтера, а не реальным городом.

Побрел домой. В двенадцать должна была начаться моя смена.

Дома выпил наконец свой чай и съел бутерброд с сыром. Чай был холодный, а бутерброд – сухой и невкусный. Неудивительно, ведь он был бумажным!

Взял в руки свой новый электрический чайник. Погладил его приятную матовую поверхность. И гладил его до самого отхода на работу. Несколько раз чайник прямо в моих руках превращался в чудесную куколку из слоновой кости. Ее глаза оживали, ротик раскрывался и я вновь слышал страстный шепот Аллиты.

.....

По дороге на работу, в эс-бане, со мной случилась неприятность.

Я вошел в полупустой вагон, хотел занять место у окна и посмотреть на ночной Берлин, проверить свою догадку.

Вместо этого неодолимая сила заставила меня согнуться и достать лбом до грязного пола вагона. А из моей грудной клетки сам собой исторгся громкий звук, повторившийся три раза: Кррак! Кррак! Кррак!

Пассажиры вагона не обратили на меня внимания. Только один неприятный толстяк вытаращил глаза.